

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассматриваются теоретические подходы и существующие парадигмы в теории международных отношений в определении внешнеполитических интересов государств в международных отношениях в целом и в Центральной Азии в частности. Внешнеполитические интересы государств Центральной Азии анализируются через призму реализма, либерализма, а также марксизма. Рассматриваются роль и место государств Центральной Азии в системе международных отношений, а также рассматривается роль регионального компонента в определении внешнеполитических ориентиров государств Центральной Азии.

Ключевые слова: реализм; либерализм; внешняя политика; марксизм; парадигма; структура; анализ; подсистема; международные отношения.

Очевидно, что на протяжении более 350-летней истории Вестфальская система развивалась и изменялась, превратившись из европейской системы в итоге в глобальную. Но именно во второй половине XX в., когда Вестфальская система стала глобальной, институционально объединенной в рамках ООН, и в этом смысле достигла вершины своего развития, в ней начинают происходить процессы структурных изменений, которые затронули ее сущностные характеристики. Первая группа структурных сдвигов в Вестфальской системе связана с центральным звеном системы – государством, и обусловлена тем, что в единой политической системе мира, ставшей глобальной после крушения колониальной системы, оказались очень разные государства по отношению к самой системе. Очевидно, что государства всегда различались по многим параметрам, в том числе по территории, населению, географическому положению, политическому устройству и т.д. Однако во второй половине XX в. начался процесс градации государств, которые вошли в политическую систему мира: государства модерна (вестфальские); постмодерна (поствестфальские); премодерна (довестфальские).

Следует отметить, что данное выделение является условным, практически все современные государства обладают всеми чертами трех выделенных типов. Данный факт был отмечен в исследованиях Дж. Поджиба, М.М. Лебедевой, Дж. Соренсена и получил дальнейшее развитие в работе М.В. Харкевича [1]. Исходя из характеристик, которые характерны каждому типу государств, можно предположить, что государства Центральной Азии представляют собой весьма интересные конгломераты государств, их можно отнести условно к государствам премодерна, т.е. довестфальские, так как в построении политической системы у них преобладают традиционная культура и родоплеменные связи. Этот фактор в какой-то степени влияет на место и роль государств Центральной Азии в системе международных отношений, т.е. каким образом государства региона интегрировались в международную систему и, что является более важным, смогли ли они взаимодействовать в рамках региональной системы, что само по себе является подсистемой в рамках мировой системы. Одним из главных инструментов интегрирования государства в ми-

ровую систему является внешняя политика, которая по своей сути – связующее звено между категориями «государство» и «актор международной системы». Необходимо отметить, что на сегодняшний день в теории международных отношений недостаточно разработан инструментарий выявления единицы измерения и анализа внешнеполитической деятельности государств. В международном политическом процессе внешнеполитическая деятельность конкретного государства выступает как субпроцесс взаимодействия между данным государством и другим элементом (элементами) системы международных отношений в конкретный момент времени и в конкретном пространстве. Во множестве процессов системы международных отношений этот субпроцесс выполняет функцию реализации связи между государством и другими элементами данной системы. Однако применение только одного процессного подхода к исследованию внешнеполитической деятельности государства недостаточно, что обуславливает необходимость совершенствования имеющихся и поиска новых теоретических и методологических оснований для изучения этой деятельности в рамках политической теории [2. С. 151–156].

Внешнеполитическая деятельность государства определяется как организованная и соответствующим образом обеспеченная деятельность государства по оказанию воздействия на объекты его внешних интересов в рамках выбранной тактики. Разнообразие организационных и тактических форм обуславливает многовариантный характер внешнеполитической деятельности государства. Такой характер объясняет трудности при выборе внешнеполитических решений, которые происходят по принципу бифуркации. Бифуркационностью выбора внешнеполитических решений определяется нелинейность развития системы международных отношений [3. С. 325]. Большинство издающихся в мире работ, посвященных исследованию международных отношений, сегодня несут в себе преобладание американских традиций. В то же время с начала 1980-х гг. в данной области все ощутимее становится влияние европейской теоретической мысли и, в частности, французской школы. Один из известных ученых профессор Сорбонны М. Мерль в 1983 г. отмечал, что во Франции, несмотря на относи-

тельную молодость дисциплины, изучающей международные отношения, сформировались три крупных направления. Одно из них руководствуется «эмпирически описательным подходом» и представлено работами таких авторов, как К.А. Кольяр, Ш. Зоргбид, С. Дрейфюс, Ф. Моро-Дефарг и др. Второе вдохновляется марксистскими положениями, на которых основываются П.Ф. Гонидек, Ш. Шомон и их последователи в Школе Нанси и Реймса. Отличительной чертой третьего направления является социологический подход, получивший наиболее яркое воплощение в трудах Р. Арона [4. С. 154–155].

Рассмотрев все вышеизложенные подходы, можно сделать вывод о том, что изучая международные отношения в глобальном масштабе, также необходимо учитывать региональный компонент изучения системы международных отношений. И в этом случае при изучении системы международных отношений с региональным компонентом необходимо учитывать ряд факторов, которые присущи тому или иному региону, начиная от географическо-климатических условий и заканчивая военно-экономическим положением региона. В этой связи появляется закономерный вопрос: является ли Центральная Азия целостным регионом в рамках международной системы? В политической регионалистике одной из центральных категорий является региональное политическое развитие, понимаемое как процесс трансформации региональной социально-политической системы. Для успешного протекания процессов политического развития также необходимо учитывать факторы, влияющие на формирование общественно-политической системы региона; наличие общей крупной политической проблемы; формулирование общих долгосрочных интересов, связанных с проживанием одного этноса на территории нескольких стран; наличие культурной, региональной языковой и этнической идентичности; присутствие естественных или искусственных границ региональной политико-социальной системы, т.е. их соответствие реальному физическому, политическому социальному пространству [5].

Для объяснения тенденций политического развития в рамках тех или иных региональных сообществ следует рассматривать регион в качестве некоей региональной совокупности элементов, обладающих двумя главными свойствами: спецификой и целостностью. С точки зрения теоретического осмысления регион обладает рядом вышеуказанных характеристик, однако в практическом плане, к сожалению, в регионе идет ряд разноплановых процессов и тенденций, которые перевешивают объективные факторы. Центральная Азия сегодня – это динамично развивающийся регион. Если после распада СССР его воспринимали как единый организм, то сегодня Центральная Азия представляет собой сложную и разнообразную конструкцию взаимоотношений. Дело заключается не только в темпах социально-экономического развития стран, но и в политических процессах, которые происходят в этих государствах. Каждое государство по-своему переживало эти годы. В Таджикистане, например, после обретения независимости вспыхнула

гражданская война, после шло преодоление последствий этой войны, которые и сегодня сказываются на развитии государства. Сложность заключается в том, что странам региона приходится уделять внимание и выделять ресурсы не только в борьбе с экстремизмом, терроризмом, но и внимательно следить за динамикой интересов основных региональных и нерегиональных геополитических игроков в Центральной Азии. Вместе с тем приходится одновременно строить политические, экономические и институциональные основы молодых государств [6].

Внешнеполитические задачи центральноазиатских государств имеют некоторые общие черты, но в целом их индивидуальные стратегии и цели расходятся все больше, так что в действительности сегодня уже нельзя говорить о единстве Центральной Азии в международных делах: Ашхабад и Бишкек или Астана и Ташкент смотрят на мир по-разному. При этом дискуссии о роли Центральной Азии в международных делах зачастую страдают двумя недостатками.

Во-первых, основной фокус направлен на внешние акторы, ближние или дальние, а сами центральноазиатские страны рассматриваются как пассивные жертвы геополитической игры, на ход которой они никоим образом не могут повлиять.

Во-вторых, все внимание сосредоточено на том, как ведут себя государства Центральной Азии в отношении основных международных проблем, при этом их позиция никак не связывается с тем, что происходит внутри самих стран. Остается парадоксальным тот факт, что, заявляя о максимальной открытости для сотрудничества с государствами мирового сообщества, они все еще закрываются от сотрудничества в рамках региона Центральной Азии. Данное игнорирование друг друга больше всего выражается в процессе принятия внешнеполитических шагов. Нахождение общего консенсуса в рамках общей региональной системы для центральноазиатских стран, к сожалению, является лишь формальностью, декларируемой в рамках двусторонних или многосторонних официальных встреч отдельных государств региона, которые не подкрепляются осознанием важности такой категории, как система и регион в фарватере внешнеполитической линии.

В контексте анализа внешнеполитических интересов государств Центральной Азии необходимо учитывать тот факт, что они на протяжении многих веков были в составе единого интеграционного объединения, в рамках которого центральноазиатские страны передали часть своего суверенитета в наднациональные органы, тем самым лишившись возможности поэтапного развития по отношению к новой системе международных отношений. До конца 1980-х гг. у народов Центральной Азии не было возможности участвовать в политической жизни. Опыт развития региона в 1990-х гг. показал, что процессы политического реформирования в местных странах происходили в весьма специфических, национально своеобразных формах. Значительное влияние на них оказывали культурные и исторические традиции, особенности быта и мировосприятия, присущие народам региона.

Демократические модели «классического» западного типа в регионе не возникли, хотя опыт демократического строительства в Западной и Восточной Европе, Северной и Латинской Америке оказал на Центральную Азию большое влияние. Не меньшее значение имел для центральноазиатских стран учет опыта модернизации России, Китая, стран АСЕАН и отчасти Индии. Как и в советское время, общества Центральной Азии по существу продолжили развиваться как конгломераты, состоящие из двух анклавов. Один представлял собой современные элементы – институты выборности, судебная система, политические партии, печатные и электронные СМИ, Интернет, зачаточные формы неправительственных организаций, государственно-рыночное хозяйствование современного типа, корпорации [7], а в другом сохранялись родоплеменные связи в рамках внутригосударственных взаимоотношений.

По истечении более двадцати лет ситуация в Центральной Азии в принципе не изменилась, так как и в политическом, и в экономическом секторе все больше превалирует клановые связи. Данные факторы оказали большое влияние также и на установление подходов к определению внешнеполитических интересов государств Центральной Азии, которые должны были сначала сформировать свои национальные интересы, а после выбрать, с каким из гравитационных центров силы им более выгодно и целесообразнее сотрудничать. Отправной точкой в рассмотрении современных геополитических процессов на пространстве Центральной Азии, безусловно, является распад СССР. Хотя еще задолго до 1991 г. западные страны и Китай проявляли интерес к политическим процессам, происходящим в этом регионе, а также к углеводородным ресурсам, которыми располагают центральноазиатские страны. На политику основных геополитических игроков в Центральной Азии оказали ключевые события в мире: распад СССР, теракты в сентябре 2001 г., военные события в Афганистане, Ираке, напряженные отношения с Ираном, и нарастающая угроза ИГИЛ.

Помимо этого, во внешней политике мировых держав в отношении Центральной Азии прослеживаются характерные отличия и выделяются этапы, которые, как правило, связаны с периодами руководства отдельных президентов. В США – это правление президентов Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего, Б. Обамы. В России – периоды руководства страной Б. Ельцина, В. Путина, Д. Медведева и затем, с 2012 г., снова В. Путина. По истечении двадцати лет, которые прошли после распада СССР, значение Центральной Азии определяется рядом факторов. Здесь пересекаются геополитические интересы таких крупных геополитических игроков, как Россия, США, Китай и Евросоюз, чьи интересы имеют существенные различия. Значительно возросла роль транспортно-коммуникационных возможностей. Ключевое значение приобрели энергетические ресурсы, которые играют главенствующую роль во внешней политике стран Центральной Азии и одновременно, как магнит, притягивают внимание внерегиональных государств. Таким образом, современная Центральная Азия нахо-

дится в центре внимания многих геополитических игроков, каждый из которых продвигает свои интересы в регионе, используя политические и экономические инструменты. Наиболее активно в Центральной Азии действуют Россия, США, Евросоюз и Китай, которые далеко не «номинально» претендуют на лидирующие позиции в регионе. Их шаги в этом направлении свидетельствуют о серьезных и далеко идущих практических действиях по закреплению «своих» прав на регион [8]. Так какие факторы влияют на выбор стратегического союзника для всего региона с учетом современных реалий? Сделать ставку на историчность и объективную данность и сотрудничать с Россией или же, руководствуясь теорией географического детерминизма, сотрудничать с Поднебесной, но возможен и третий вариант – полностью поменять формат и выбрать нового союзника в лице США. На первый взгляд может показаться, что ответ лежит на поверхности и безусловным стратегическим партнером является Российская Федерация, однако необходимо отметить тот факт, что каждая из стран региона в определенный промежуток времени тесно сотрудничала с США, такое сотрудничество порой носило более показательный характер, нежели союзнический. Относительно КНР географический фактор в купе с экономическими проектами Поднебесной в Центральной Азии способствуют превращению ее в негласного лидера в Центральной Азии. Более того, необходимо учесть и фактор влияния ШОС в регионе, где наиболее сильные позиции именно у КНР и России.

Вследствие вышеуказанных факторов актуализируется вопрос, по какому принципу и на основе какого подхода принимаются внешнеполитические решения в рамках Центрально-Азиатского региона. Выделяются три типа внешнеполитического поведения малых и средних стран в отношении превосходящих их держав. Первый тип – «агентский» («я – твой младший брат и поручный, моя земля – твой бастион, форт и крепость»; этот тип заменил собой прежнее вассальное, подданническое поведение). Второй – «защитный» («ты – мой недруг и я готовлюсь к борьбе с тобой, нападаешь ты или можешь хотеть напасть»). Третий – «условно партнерский» («мы ничем друг другу не обязаны и пробуем сотрудничать не только друг с другом, но и со всеми странами, несмотря на разность потенциалов») [9. С. 16]. Центральноазиатские государства, как представляется, больше тяготеют к третьему типу. Он сочетается с их возможностями и спецификой международных условий, в которых они развиваются. Главное из этих условий (благоприятных, но и затратных для малых стран) – рыхлая международная среда, в которой шли трансформационные процессы, обусловленные распадом биполярной системы. В этой связи является целесообразным выявление мотивов и интересов, которыми руководствуются политические элиты Центральной Азии в выборе внешнеполитических союзников, базируясь на основных теоретических парадигмах и концепциях теории международных отношений. Внешняя политика акторов мировой политики находится в состоянии взаимодействия со средой. В этом

взаимодействии также играют свою роль цели стратегических потенциалов. Внешняя политика отнюдь не оторвана от внутренних реалий: во многих случаях внешнеполитический выбор как раз и определяется главным образом внутренними причинами, тем более в молодых государствах, которым необходимо обрести двойную легитимность – как международную, так и внутри страны. Примат внутренней политики непосредственно сказывается на потенциальной эффективности региональных организаций в Центральной Азии. В совокупности необходимо отметить тот факт, что одним из стержневых учений в теории международных отношений является системность, так как исходным для нее является само понятие «система», которое Л. Бертаганфи определил как совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом. Благодаря системному подходу предоставляется возможность исследовать новые и прежде игнорировавшиеся аспекты предмета внешнеполитической деятельности государства, которая представляет собой основу для более обобщающего и научного подхода к той области исследования, в которой традиционно доминировали работы, основывающиеся в значительной мере на впечатлениях и интуиции или делающие упор на историческом своеобразии и неповторимости отдельных событий и процессов.

Принципиальные положения системного подхода применительно к международным отношениям и заключаются в признании их целостной, обладающей собственной структурой системой. В ней действует закон гомеостазиса (способности системы поддерживать и сохранять внутреннее равновесие вопреки «возмущающим» воздействиям внешней среды), где осуществляется взаимодействие системы с ее элементами (субсистемами), между системой и внешней средой. С этой точки зрения, в Центральной Азии отсутствует системный подход к изучению международных отношений и внешней политики, так как Центрально-Азиатский регион на сегодняшний день, во-первых, не обладает характеристиками региональной системы, во-вторых, в нем все еще достаточно велико влияние внешних факторов. И мы можем прийти к выводу, что в процессе определения внешнеполитических интересов в международных отношениях Центральной Азии превалирует больше краткосрочный и хаотичный порядок принятия внешнеполитических решений, нежели системный подход.

Если рассматривать внешнеполитические решения центральноазиатских стран с точки зрения политического реализма, необходимо рассмотреть краеугольную идею реализма. Одна из центральных идей школы политического реализма – это констатация фактов и придание им смысла через причину. Это предполагает, что оценка характера политики может быть сделана через призму оценки политических действий в рамках представляемых предсказуемых последствий этих действий. Вследствие по итогам предсказуемых действий политиков мы можем предположить, какие у них были цели. Политический реализм предполагает то, что современные условия, под которыми функционирует внешняя политика с их крайней нестабильно-

стью и присутствием постоянной угрозы широкомасштабного насилия, могут быть изменены. То, что верно для общего характера международных отношений, также верно для национального государства как для окончательного ориентира современной внешней политики. В то время как реализм действительно полагает, что интерес – постоянный стандарт, по которому политические выступления должны быть оценены и направлены, то современная связь между интересом и национальным государством достаточно сильна. Подходы и мнение школы политического реализма относительно преобразования современного мира расходятся с другими научно-теоретическими школами. Реализм убежден, что это преобразование может быть достигнуто только посредством искусной манипуляции постоянными силами, которые сформировали прошлое и которые впоследствии станут будущим. Политический реализм знает о моральном значении политических действий и о неизбежной напряженности между моральными установками и требованиями к успешным политическим действиям. Реализм утверждает, что универсальные моральные принципы не применимы к действиям государств в их абстрактной универсальной формулировке, но они должны учитывать конкретные обстоятельства времени и места.

Человек может сказать для себя: «*Fiat justitia, pereat mundus* (Справедливость должна быть сделанной, даже если мир погибает)», но государство не имеет никакого права использовать этот принцип по отношению к тем, за кого он ответствен. И человек, и государство должны судить политические действия по универсальным моральным принципам, например, таким, как принцип свободы. Все же, в то время как человек имеет моральное право пожертвовать собой в защиту такого морального принципа, государство не имеет никакого права позволить своему моральному неодобрению нарушение свободы, мешать успешным политическим выступлениям, самым вдохновенным моральным принципом национального выживания. Не может быть никакой политической морали без благоразумия, т.е. без рассмотрения политических последствий на вид морального действия. Реализм полагает, что благоразумие – взвешивание последствий альтернативных политических выступлений – высшее достоинство в политике. Иными словами, цель оправдывает средства, и государству необходимо использовать все средства для защиты своих национальных интересов, даже если это идет вразрез с моральными принципами и установками. Применив основные идеи школы политического реализма к внешней политике стран Центральной Азии, мы можем сделать вывод о том, что в целом они соотносятся, однако здесь возникает один весомый фактор, который также необходимо учитывать в анализе внешней политики стран ЦА, а именно готовы ли политические элиты стран Центральной Азии пожертвовать своими политическими амбициями во благо национальных интересов страны?

Другая парадигма теории международных отношений, которая находилась в постоянном споре с реализмом, а иногда и даже происходила конвергенция

двух школ, – это либерализм. Либерализм возник в конце XVII в. благодаря трудам таких ученых, как Дж. Локк, Ш. Монтескье, Дж. Милль, А. Смит и др. Идея либерализма послужила основополагающим принципом в Английской хартии свободы и идеологии Великой Французской революции. В период холодной войны в теории международных отношений произошел новый виток либералистических взглядов, которые были модернизированы с учетом мировых реалий, однако основополагающий принцип либерализма остался неизменным. Базовыми принципами либерализма являются: свобода и обеспечение основополагающих прав и свобод человека; равенства всех граждан перед законом; установление свободной рыночной экономики; обеспечение ответственности правительства и прозрачности государственной власти.

Целью внешней политики государств является производство богатства на основе взаимовыгодного сотрудничества и поиска путей его расширения. Международные отношения не являются анархичными и неуправляемыми. Их можно и нужно регулировать, во-первых, с помощью международных договоров, а, во-вторых, посредством учреждения специальных организаций, регулирующих межгосударственные отношения. Джон Локк впервые разделил такие понятия, как «личность», «общество» и «государство», поставил личность выше общества и государства. Государство рассматривалось им как инструмент обеспечения свободы граждан и защиты их естественных прав. Суверенитет народа, согласно Дж. Локку, выше суверенитета создаваемого им государства [10]. Позже идеи либерализма были представлены в знаменитых 14 пунктах В. Вильсона и в создании Лиги Наций.

Либерализм представляет совокупность представлений о том, как государства действительно ведут себя, а не как они должны вести себя. В либерализме существует три стержневых предположения, а именно действие социальных акторов и их мотивация, отношения между государственным и гражданским обществом и обстоятельствами, в условиях которых государства разрабатывают стратегии и делают выбор в международной системе. Исторически либерализм изменчив, и все обобщения подобного рода условны. И тем не менее представляется возможным выделить своего рода инвариант либерального мировосприятия, в том числе внешнеполитического. Так, прежде всего, для либеральной идеологии внешний мир, внешняя среда в целом благоприятствуют воплощению и утверждению основополагающих либеральных принципов – индивидуальной свободы, индивидуализма как экономического, политического и морального принципа, демократии, прав человека, правовых основ международных отношений. Собственно говоря, это и есть фундаментальные основы «вечного мира», о котором говорил еще Иммануил Кант в 1795 г. [11. С. 330–339]. При применении либеральной теории к внешней политике государств Центральной Азии мы можем сделать два предположения. Одно базируется на классическом принципе либерализма, другое характерно для современной интерпретации либерализма.

Первое предположение – одной из центральных идей либерализма является свобода и защита интересов собственности буржуазии, т.е. свобода рыночных отношений и отсутствие регулирования экономики со стороны государства. В рамках этой идеи мы можем сделать предположение, что идеи либерализма неприменимы к государствам Центральной Азии, так как в центральноазиатских странах отсутствовала буржуазия как класс и стратоса в обществе, и в данных странах всегда присутствовал контроль экономики со стороны государства.

Второе предположение – центральным требованием и характеристикой либерализма по отношению к государствам как к акторам международных отношений является парламентская форма правления. В Центральноазиатских странах, кроме Кыргызстана, отсутствует парламентская форма правления, а функционируют централизованные президентские республики с широкими полномочиями главы государства.

Отталкиваясь от этих предположений, мы можем прийти к выводу, что в государствах Центральной Азии отсутствует либералистическая парадигма в классическом ее осмыслении как на уровне внутренней политики, так и на внешнеполитическом уровне. Под внешнеполитическим процессом государства понимается взаимодействие между элементами – субъектами системы внешнеполитических отношений государства либо внешнеполитическое воздействие государства на объекты его внешнеполитических интересов, осуществляемое во времени и пространстве и приводящее к изменениям в данном государстве и / или в объектах его интересов. В отличие от внешнеполитического процесса государства его внешнеполитическая деятельность определяется как организованная и соответствующим образом обеспеченная деятельность государства по оказанию воздействия на объекты его внешнеполитических интересов в рамках выбранной тактики [12. С. 158–166].

Государства Центральной Азии находятся в достаточно сложном положении: с одной стороны, они должны самостоятельно интегрироваться в новую мировую систему и укреплять свой суверенитет, а с другой – должны находить баланс между интересами таких стран, как РФ, КНР, США. Американский исследователь Александр Кули в своей книге «Большая игра в контексте Центральной Азии» приводит метафору (three trees) «три дерева – три главные внерегиональные силы, интересы которых представлены в регионе» [4. С. 156]. Исторически США не были вовлечены в соревнование с нулевой суммой между Россией и Великобританией в XIX в., но на современном этапе они также преследуют свои стратегические цели в регионе, которые отчасти связаны с событиями 11 сентября 2001 г. Регион оказался вовлеченным в большую игру, итог которой оказал влияние на политику стран Центральной Азии. А.А. Кули говорит о том, что Центральноазиатские страны являются значимыми акторами в мировой системе. Центральноазиатские лидеры, балансируя между глобальными лидерами, усиливают свой политический суверенитет и укрепляют свои внутрисистемные силы [13. С. 78].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в анализе внешнеполитических процессов в Центрально-Азиатском регионе, с точки зрения классических теоретических подходов теории международных отношений, не доминирует ни одна из вышеуказанных парадигм. Наблюдается принцип кон-

вергенции реализма и либерализма. В Центрально-Азиатском регионе также достаточно сильны позиции внерегиональных акторов, в большей степени РФ и КНР, и в меньшей – США, которые также влияют на процесс принятия внешнеполитической линии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др. ; отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Аспект-Пресс, 2011. 549 с.: цв. вкл.
2. Кондратов А.И. Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 151–156.
3. Кондратов А.И. Концептуальная модель внешнеполитической деятельности государства в теории международных отношений : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2012. 123 с.
4. Cooley Alexander. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. New York : Oxford University Press. 252 p.
5. Геополитическое положение России: Представление и реальность / под ред. В.А. Колосова. М., 2000. 256 с.
6. Торкунов А. Современные международные отношения. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/ (дата обращения: 23.06.2016).
7. Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия : в 4 т. / МГИМО(У) МИД России ; Рос. ассоциация междунар. исследований ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование) ; сост. Т.А. Шаклеина. М. : РОССПЭН, 2002. Т. 1. С. 330–339.
8. Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии // Материалы X Ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 6 июня 2012 г.) / отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2012. 284 с.
9. Богатуров А.Д. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики / А.Д. Батуров, А.С. Дундич, Е.Ф. Троицкий. М. : НОФМО, 2010. Вып. 4. 214 с.
10. Цыганков П.А. Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений // Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке. М., 1992. С. 154–155.
11. Политические процессы в таджикском обществе : сб. ст. 1998–2011 гг. Душанбе : ЦСИ при Президенте РТ, 2011. 376 с.
12. Кондратов А.И. Внешнеполитическая деятельность государства как категория теории международных отношений // Социология власти. 2009. № 7. С. 158–166.
13. Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира. Метаморфозы мировой политики / под общ. ред. М.М. Лебедевой ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М. : МГИМО-Университет, 2012. 505 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2016 г.

THEORETICAL BASES AND APPROACHES TO THE DETERMINATION OF FOREIGN POLICY INTERESTS IN THE INTERNATIONAL SYSTEM OF CENTRAL ASIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 77–83.

DOI: 10.17223/15617793/410/12

Khosiyat G. Komilova, Russian-Tajik Slavonic University (Dushanbe, Tajikistan). E-mail: khosiyat.komilova@gmail.com

Keywords: Realism; liberalism; foreign policy; Marxism; paradigm; structure; analysis; subsystem; international relations.

The foreign policy of actors of the international relations is one of the main indicators of their involvement in the international political processes. In the theory of international relations, there is a number of scientifically-theoretical schools and paradigms which investigate the foreign policy of the states through the prism of their own vision of the theory of international relations. In the article, the author touches on theoretical views and approaches in the definition of the foreign policy of such schools as liberalism, realism and Marxism. The thesis is provided in the article that the main instrument of the state's integration in the world system is its foreign policy which inherently is a link between the category "state" and the category "actor of the international system". It should be noted that today's tools for the identification of the unit of measure and the analysis of foreign policy activity of the states within the theory of international relations are not sufficiently developed. The article also considers the regional aspect of the foreign policy of the states of Central Asia. From the theoretical approach of the concept of a region, it should be noted that Central Asia possesses a number of characteristics inherent to regions within world politics; however, on the practical level, unfortunately, the Central Asia region has a range of versatile processes and tendencies which outweigh objective factors. It is related not only to the social and economic development of the countries, but also to political processes which happen in these states. It is a paradox that declaring the maximum openness for cooperation with the states of the world community, all of them are still closed for cooperation within the Central Asia region. Taking into consideration all the facts, it should be noted that, unfortunately, the Central Asian countries do not develop bilateral relations within the region. The author puts emphasis on the position of the third countries in the geopolitical solitaire in Central Asia. The states of Central Asia are in a rather difficult situation: on the one hand, they have to be integrated independently into the new world system and strengthen their sovereignty; on the other hand, they have to find balance between the interests of such countries as the Russian Federation, the People's Republic of China, the USA. In the conclusion of the article, the author tells about the principle of convergence of realism and liberalism in the foreign policy line of the Central Asia states.

REFERENCES

1. Bogaturov, A.D. (ed.) (2011) *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii: Sobytiya i dokumenty* [International relations in Central Asia: Events and Documents]. Moscow: Aspekt-Press.
2. Kondratov, A.I. (2011) Foreign Policy Activity of the State in the International Political Process. *Vestnik MGIMO*. 2. pp. 151–156. (In Russian).

3. Kondratov, A.I. (2012) *Kontseptual'naya model' vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti gosudarstva v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy* [The conceptual model of foreign policy activity of the state in international relations theory]. Political Science Dr. Diss. Moscow.
4. Cooley, A. (2012) *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. New York: Oxford University Press.
5. Kolosov, V.A. (ed.) (2000) *Geopoliticheskoe polozhenie Rossii: Predstavlenie i real'nost'* [The geopolitical position of Russia: Idea and Reality]. Moscow: Art-Kur'er.
6. Torkunov, A. (1999) *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Contemporary International Relations]. Moscow: ROSSPEN [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/. (Accessed: 23rd June 2016).
7. Mel'vil', A.Yu. (2002) Liberal'naya vneshnepoliticheskaya al'ternativa dlya Rossii? [Liberal foreign policy alternative for Russia?]. In: Shakleina, T.A. *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii, 1991–2002. Khrestomatiya: v 4 t.* [Foreign and Security Policy of modern Russia, 1991–2002. Anthology: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
8. Sultanov, B.K. (ed.) (2012) *Aktual'nye voprosy bezopasnosti v Tsentral'noy Azii* [Topical issues of security in Central Asia] Proceedings of the X Annual Almaty Conference. Almaty. June 6, 2012. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.
9. Bogaturov, A.D., Dundich, A.S. & Troitskiy, E.F. (2010) *Tsentral'naya Aziya: "otlozhennyy neytralitet" i mezhdunarodnye otnosheniya v 2000-kh godakh. Ocherki tekushchey politiki* [Central Asia: "deferred neutrality" and international relations in the 2000s. Essays on current policies]. Vol. 4. Moscow: NOFMO.
10. Tsygankov, P.A. (1992) Raymon Aron o politicheskoy nauke i sotsiologii mezhdunarodnykh otnosheniy [Raymond Aron on political science and sociology of international relations]. In: Tsygankov, P.A. (ed.) *Vlast' i demokratiya. Zarubezhnye uchenye o politicheskoy nauke* [Power and Democracy. Foreign researches on political science]. Moscow: Russian Open University.
11. Sharipov, S.I. (2011) *Politicheskie protsessy v tadzhikskom obshchestve: sb. st. 1998–2011 gg.* [Political processes in Tajik society: collected articles of 1998–2011]. Dushanbe: CSR under the President of the Republic of Tajikistan.
12. Kondratov, A.I. (2009) Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' gosudarstva kak kategoriya teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Foreign Policy Activity of the State in the International Political Process]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 7. pp. 158–166.
13. Lebedeva, M.M. (2012) *Sovremennye trendy mirovogo razvitiya: novoe kachestvo mira. Metamorfozy mirovoy politiki* [Modern world development trends: a new quality in the world. Metamorphoses in world politics]. Moscow: MGIMO-Universitet.

Received: 29 July 2016